

Много ли сыщется тех, кто верит снам? Большинство и вовсе забывает их к утру.

Вот и трактирный слуга, очнувшись от своего кошмара, не сразу понял, как очутился в совершенно незнакомом месте. Там он встретил пугающего незнакомца и юношу, в котором признал недавнего гостя своей лавки... Там же и узнал, что мертв.

Казалось, только закрыл глаза — а миновало уже семь дней. Все вышло нелепо, до глупости сумбурно. Он даже не успел осознать собственную кончину.

— Неужто из-за того лишь, что Четвертый Гао когда-то спас меня, я теперь обязан расплатиться с ним жизнью? — лицо слуги исказилось от непереносимой горечи.

Да, не окажись тогда Четвертый Гао рядом, он, может, и не дожил бы до сегодняшних дней. Но ведь и благодарил исправно! За эти годы долг за спасение он выплатил сторицей, не единожды выручая Четвертого Гао. Трактирщик искренне считал, что больше ничего ему не должен. А если какой пустяк и оставался, тот уж точно не стоил целой жизни. Тем более оборвавшейся... столь постыдно.

Фу Цанчжоу промолчал. Утешать других он не умел, да и нужных слов подобрать не мог. Но если вспомнить, в каком виде нашли тело несчастного, и сопоставить это с его последним сном, связь с этим самым Четвертым Гао казалась более чем вероятной.

Впрочем, стоило дожждаться вестей от Баоцзина, прежде чем строить догадки. Братец Чэнь выговорил все это просто от бессильной тоски, вряд ли надеясь на сочувствие.

Баоцзин, как всегда, не подвел. Оправдав все ожидания хозяина, он разузнал о Четвертом Гао буквально все.

Тот и впрямь оказался редкостным негодяем, как и описывал покойный слуга. Несколько лет назад этот проходимец ухитрился загрести кучу денег и с тех пор окончательно потерял стыд. В родной деревне его терпеть не могли — про таких говорят, что их и собаки обходят стороной. Так что, прослышав о его кончине, соседи хоть и не стали открыто праздновать, но уж точно ни капли не опечалились.

Наш верный слуга побеседовал со многими жителями, среди которых оказались и двое из соседнего села. Странно было другое: никто не мог в точности назвать причину смерти Четвертого Гао. Похороны в его доме начались внезапно, и тела покойного никто из соседей в глаза не видел.

Те двое, ведомые любопытством, пытались разузнать подробности, но рассказывали лишь об одном: даже на приличном расстоянии от усадьбы Гао шибал в нос жуткий, невыносимый смрад. В деревне тут же поползли слухи. Люди шептались, что для человека, преставившегося всего пять дней назад, тело разлагалось слишком быстро. Дело явно казалось нечистым.

— А ты сам видел тело Четвертого Гао? — Фу Цанчжоу повернулся к призраку трактирщика.

— Нет, господин, — покачал головой покойник. — Я ведь заглянул туда ненадолго. Мы с ним уже давно не знали близко, так что мозолить глаза его родне я не стал — выпил поминальную чарку да пошел восвояси.

Юноша понимающе кивнул и обратился к Баоцзину:

— Что еще удалось выяснить?

Пока что прямых улик, связывающих гибель трактирного слуги с кончиной Четвертого Гао, не прослеживалось.

— Один из крестьян упомянул о странности, случившейся сразу после похорон, — отозвался Баоцзин. — Четвертого Гао предали земле на глазах у всей деревни. Однако не успело солнце зайти, как обнаружилось, что свежую могилу кто-то раскопал. Гроб лежал распахнутым настежь, а тела внутри не было и в помине. Престарелая мать Гао теперь бьется в истерике, причитая о проклятии. В народе болтают разное: одни уверяют, будто мертвец восстал из могилы, другие — что он и вовсе не умирал, а просто инсценировал смерть, чтобы прибрать к рукам семейное добро и сбежать.

"Похоже, с этим Четвертым Гао и впрямь не все чисто..." — подумал Фу Цанчжоу.

Трактирный слуга, ловивший каждое слово Баоцзина, в ярости стиснул зубы. Теперь он ни капли не сомневался, что за его безвременной кончиной стоит именно спасенный когда-то приятель. Слишком уж много совпадений для одной человеческой судьбы. Сам Фу Цанчжоу тоже склонялся к этой мысли — подобные случайности в мире заклинателей происходили редко. Но домыслы оставались лишь домыслами, требовались доказательства.

— Какие у тебя планы, братец Чэнь? — спросил юноша.

— Я найду Четвертого Гао, — процедил сквозь зубы призрак, исходя бессильной злобой.

Фу Цанчжоу слегка наклонил голову. Он и сам намеревался отыскать беглеца. Однако следовало прояснить одну немаловажную деталь.

— Братец Чэнь, ты должен трезво смотреть на вещи, — вздохнул юноша и бросил взгляд на висевший в вышине полумесяц. — Сегодня исполняется ровно семь дней с твоей кончины, и близится час Крысы. Даже если ты пал жертвой злого умысла, после первой седмицы связь духа с плотью рвется окончательно. Тело твое мертво, и вернуться в мир живых ты уже не сможешь.

Это не походило на временный уход души из тела. Срок истек. Прежде еще оставался

призрачный шанс на воскрешение, теперь же всякая надежда угасла.

Призрак, казалось, смирился. Он медленно кивнул, а затем с горьким смешком покачал головой:

— Пролитую воду не собрать, это и дураку ясно. Да и если бы я ожил в том месиве, в которое превратилось мое тело... лучше уж сразу в преисподнюю. — Его голос внезапно налился ледяной яростью: — Мне нужно лишь одно — чтобы этот ублюдок сдох в самых страшных муках!

— Зло всегда возвращается к тому, кто его породил, — спокойно отозвался Фу Цанчжоу. — Можешь не сомневаться: если Четвертый Гао причастен к твоей смерти, кара его настигнет.

Спасенная когда-то жизнь не давала Гао права забирать чужую в уплату старого долга. Небесные законы не знали подобных взаимозачетов, а посягательство на чужую судьбу каралось жестоко. Поднебесная не терпела столь гнусного колдовства.

Более не теряя времени, они покинули дом Чэней так же незаметно, как и вошли. Путь их лежал к усадьбе Четвертого Гао — требовалось лично проверить слухи об ожившем покойнике.

Разумеется, надежнее было бы сразу осмотреть разрытую могилу, но трактирщик понятия не имел, где похоронили его бывшего спасителя. Впрочем, это не представлялось помехой. Достаточно было явиться в дом беглеца, собрать крупницы его жизненной энергии и направить по следу духа-помощника.

Две деревни разделяла лишь неширокая речушка. Миновав мост, они быстро вышли к нужному двору. Но если в доме Чэней царило траурное оживление, то здесь их встретило гробовое безмолвие.

Скользнув внутрь бесплотной тенью, Фу Цанчжоу не обнаружил никого, кроме дряхлой старухи, бесцельно метавшейся на жестких досках топчана. Судя по угасающей ауре, жить несчастной оставалось считанные дни.

Юноша печально вздохнул. Против законов старения и угасания смертные бессильны. Но, поддавшись минутному порыву сделать хоть малое добро, он легким касанием призрачной силы поправил сползшее одеяло старушки, укрывая ее от ночной прохлады.

Затем он призвал своего крылатого вестника Сяо Мао. Обернувшись совой, дух-помощник тихо ухнул, описал широкий круг под потолком и, уловив едва заметный след чужой ци, резко взмыл ввысь, устремляясь на север. Живые люди не могли ни заметить, ни услышать этого создания, сотканного из чистой энергии инь.

Выйдя сквозь стену во двор, Фу Цанчжоу указал спутникам в направлении темного горизонта:

— Нам туда.

Птица вывела их к заброшенному погосту на окраине холмов. Могилу Четвертого Гао кто-то наспех присыпал землей, однако наметанный взгляд юноши сразу определил: под рыхлым слоем глины пусто. Он сообщил об этом трактирщику.

— Гао... Бу... ю... — прорычал тот, и его призрачный облик подернулся багровой дымкой гнева.

Душа покойника металась, готовая вот-вот разорваться от переполнявшей ее обиды. Заметив, что дух несчастного теряет стабильность, Фу Цанчжоу мягко коснулся его плеча, делясь успокаивающей прохладой своей духовной силы. Если не утихомирить этот гнев сейчас, несчастный либо окончательно рассеется, сожженный собственной яростью, либо переродится в бездумную тварь, жаждущую лишь крови.

— Не спеши, братец, — негромко произнес Фу Цанчжоу, поглаживая сову по мягким перьям на голове. — Сначала нужно отыскать твоего обидчика, а уж после ты сам спросишь с него за все.

Птица послушно взмахнула крыльями и растворилась в ночном тумане. До тех пор, пока беглец оставался в пределах округа Циньчжоу, его поимка была лишь вопросом времени.

— Господин, — негромко подал голос Баоцзин, который обычно предпочитал хранить молчание. — Кажется, я нашел кое-что любопытное.

— Вот как? — удивился Фу Цанчжоу.

— Вон там, у края дренажной канавы, стоит засохшая софора. От нее веет странной силой.

Софора... Дерево, издревле слывшее пристанищем для неупокоенных душ.

— Веди, — распорядился юноша.

Оставив безутешного призрака наедине с его мыслями (тот уже немного пришел в себя, и опасность распада миновала), Фу Цанчжоу поспешил к указанному месту. Баоцзин обладал тонким чутьем и никогда не беспокоил хозяина по пустякам.

Буквально в десяти шагах действительно обнаружилась застойная лужа, от которой разило гнилью. Подойдя ближе, Фу Цанчжоу не смог сдержать изумления.

С одной стороны, его поразила наблюдательность слуги: эта софора терялась среди здоровых деревьев, и даже при свете дня простой путник не разглядел бы в ней ничего дурного. С другой же стороны, вид самого дерева внушал содрогание.

Приходилось ли вам когда-нибудь видеть растение, покрытое гноящимися язвами и источающее темную, похожую на человеческую кровь жижу?

При одном взгляде на это уродство разрозненные кусочки головоломки в мыслях Фу Цанчжоу мгновенно сложились в единую картину.

"Вот оно что... Все дело в запретном переносе бедствий!"

Эта техника, известная как перенос бедствий, позволяла тяжелобольному человеку обмануть смерть. Проведя ритуал в определенный час и выбрав неодушевленный предмет или живое растение, колдун связывал с ним свою судьбу и читал заговор, сбрасывая недуг на безгласного посредника. Для таких целей идеально подходили софоры или плакучие ивы — деревья, от природы наделенные способностью накапливать энергию инь и потому обладавшие зачатками собственного сознания.

Судя по сочащимся язвам на коре, именно этот ритуал и погубил дерево. Фу Цанчжоу сосредоточился, улавливая остатки чужой ауры, и окончательно убедился: след вел к Четвертому Гао.

"События развивались следующим образом: Четвертый Гао занемог и, находясь на краю гибели, отыскал древнее заклятие. Он перенес смертельную хворь на софору и должен был исцелиться. Но не учел одного..."

Дерево не было обычной деревяшкой. Оно обладало не просто малой искрой жизни, а настоящим разумом. В народе говорят, что у всего сущего есть душа, хотя это и преувеличение. Однако любой предмет под воздействием внешних сил может обрести духовную сущность и однажды переродиться в демона.

Эта софора еще не успела стать полноценным оборотнем, но росла на старом кладбище у застойного болота — месте, где холодный мрак инь сгущался десятилетиями. Сюда слетались бесприютные призраки. И дух одного из усопших давным-давно слился с корнями этого дерева, выбрав его своим новым телом.

С годами они стали единым целым: призрак превратился в душу софоры, а древесный ствол стал его плотью. Так на свет явился дух софоры по имени Пэнсюань.

Мирно дремавший в своих владениях дух и представить не мог, что станет чужой жертвой. Он был вынужден беспомощно наблюдать, как его деревянное тело гниет заживо, испытывая при этом вполне осязаемую, нечеловеческую боль. Какая лютая ненависть должна была поселиться в его груди!

Будучи духом, он попытался отомстить и наложил на обидчика смертельное проклятие. Увы, это лишь принесло ему слабое удовлетворение, но не спасло от гибели. Перенос бедствия вспять совершить невозможно. Пэнсюань был обречен умереть вместе со своим деревом, ведь

его призрачная сущность полностью зависела от сохранности коры и ветвей. Без них дух просто растаял бы в воздухе, исчезнув навсегда.

Фу Цанчжоу невольно проникся сочувствием к несчастному существу. Вытерпеть такие муки и даже не дожидаться отмщения! Каким немыслимым везением обладал этот Четвертый Гао? Получив сокрушительный удар обратного проклятия, он действительно испустил дух, но умудрился забрать с собой на тот свет безвинного братца Чэня, совершив ритуал подмены жизни. В этой истории оба пострадавших заслуживали жалости, и трудно было решить, кому досталось больше.

"Очевидно, Четвертый Гао не так прост, как малюют его соседи. Либо он сам владеет тайными искусствами заклинателей, либо у него припрятан мощный артефакт для защиты", — размышлял юноша.

Ночная мгла вокруг них зашевелилась, сгущаясь в полупрозрачные нити тумана.

— Покажись, — негромко произнес Фу Цанчжоу, согнув указательный палец.

На кончике его острого ногтя вспыхнул призрачный огонек, вытягивая из гниющей раны на стволе невидимую глазу духовную нить. Следом за ней из древесной плоти медленно выползло бесформенное темное облако. Благодаря тому, что кладбище дышало прохладой инь, а соседние софоры слегка делились жизненными силами, дух Пэнсюаня не рассеялся окончательно. От него уцелели лишь три земных души-по.

— Бла-го-дарю... — раздался хриплый, прерывистый шепот из глубины туманного сгустка. — Отомстить... Я должен... отомстить!

Грехи Четвертого Гао воистину переполнили чашу терпения Небес.

— Зачем ты сгубил себя? — со вздохом спросил Фу Цанчжоу.

Оставшись без опоры, Пэнсюань в любом случае растаял бы со временем. Но духи такой силы угасают медленно, этот процесс мог растянуться на долгие месяцы. Если бы Пэнсюань сохранил остатки разума, юноша без труда нашел бы способ уберечь его от окончательной гибели.

Однако Пэнсюань пожертвовал большей частью своей сущности ради того, чтобы наложить проклятие крови на своего убийцу. Именно поэтому от него остались лишь жалкие крохи. Стоило ли оно того? Наверное, не юноше судить об этом. Да и не решился дух на месть, трактирщик остался бы жив, а сам Фу Цанчжоу никогда не забрел бы на этот старый погост.

— Больно... как же больно... — непрерывно стонал Пэнсюань, качаясь из стороны в сторону. — Пусть испытает... то же... Пусть мучается... в сотни раз сильнее! Пусть молит о смерти!

Судьба этого существа была поистине ужасна. И ведь нельзя сказать, что сам обряд переноса бедствий изначально задумывался как абсолютное зло. Разве станет смертный, терзаемый смертельным недугом, заботиться о благополучии какого-то дерева? Когда смерть заглядывает в глаза, любой ухватится за соломинку, даже если придется сгубить лесного духа. Фу Цанчжоу не знал, как разрешить это противоречие.

Чувствуя духовную связь со своей совой, юноша понял, что след уходит далеко на север. Похоже, Четвертый Гао успел покинуть окрестные уезды, и поиски затянутся. Стоять посреди ночного кладбища бессмысленно.

— Пэнсюань, я могу сберечь твою угасающую душу, — обратился он к облаку тумана. — Но твоё дерево погибло, поэтому тебе придется укрыться в моей Изящной шкатулке ставместилищ. Там ты окажешься под моей защитой и властью. Согласен ли ты уйти со мной? Обещаю, я разыщу твоего врага и позволю вам встретиться.

Отыскать Четвертого Гао следовало в любом случае, а уж как поступить с ним дальше — покажет время.

Ослепленный жаждой отмщения дух ухватился за это предложение без раздумий.

— Иду... иду... — зашептал он, втягиваясь ближе к ладони юноши. — С тобой... Отомстить!

<http://bllate.org/book/19708/2001257>